

Секция «Обеспечение финансовой безопасности России: финансовые расследования в цифровой экономике»

К вопросу о специфике юридической техники антикоррупционного законодательства Российской Федерации

Научный руководитель – Хабибулин Алик Галимзянович

Грибанова Анна Сергеевна

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Высшая школа государственного аудита, Кафедра экономических и финансовых расследований, Москва, Россия

E-mail: gribanovaan@rambler.ru

Стремительный рост количества фактов коррупции, а также приобретение ими трансграничного характера в конце XX века обусловило активизацию международно-правового сотрудничества государств в сфере противодействия коррупции.

Ратификация Россией Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции стала основной нормативной предпосылкой для создания полноценной системы антикоррупционного законодательства в нашей стране. При этом основу правового регулирования противодействия коррупции в России составляет Федеральный закон Российской Федерации «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ (далее – Федеральный закон № 273-ФЗ).

Вместе с тем говорить о создании четко структурированной системы российского антикоррупционного законодательства достаточно сложно, поскольку данное законодательное направление носит ярко выраженный межотраслевой характер - отдельные положения по вопросам профилактики и борьбы с коррупцией включены в правовые акты трудового, уголовного законодательства и пр. Кроме того, в развитие положений Федерального закона № 273-ФЗ принято большое количество нормативных правовых актов подзаконного уровня, в том числе ведомственных актов [2].

В условиях бессистемности и даже несогласованности ряда антикоррупционных норм можно констатировать наличие недостатков юридической техники антикоррупционного законодательства. В рамках данной работы хотелось бы провести их анализ с точки зрения соответствия принципам законотворческого процесса, являющихся его логическими основами [1].

Одним из них является принцип адекватного отражения нормативно-правовых потребностей, заключающийся в формировании правовых норм в соответствии с существующим социальным запросом. В настоящее время можно отметить повышенный общественный интерес к вопросам противодействия коррупции в нашей стране, который связан с большим количеством новелл антикоррупционного законодательства. Вместе с тем можно констатировать отсутствие способа удовлетворения такого общественного запроса, который, в частности, мог быть выражен в создании механизма мониторинга состояния коррупционной политики России и включать в себя данные статистической отчетности, социальные опросы населения и пр.

В рамках правотворческой деятельности крайне важно соблюдать принцип понятийной определенности, суть которого сводится к тому, что понятийный аппарат любого законодательства должен не только отражать сущность определяемых явлений, но и не допускать плюрализма терминологии. В контексте коррупционного законодательства указанная проблема стоит достаточно остро по нескольким причинам, а именно изменчивости

форм коррупционных проявлений, разрозненности системы актов, посвященных вопросам противодействия коррупции и пр. В правовых исследованиях и ряде правовых актов используется термин «коррупционные риски», однако его определение отсутствует в Федеральном законе № 273-ФЗ и содержится лишь в ведомственных рекомендациях Минтруда России.

Содержание принципа сбалансированности может быть обозначено как необходимость выстраивания актов единой тематики в единую взаимосвязанную и взаимообусловленную систему законодательства. Вместе с тем антикоррупционное законодательство отличится разрозненностью регулирования, в частности критерии квалификации ситуации конфликта интересов урегулированы ведомственными актами как Минтруда, так и Генеральной прокуратуры.

В качестве еще одного принципа законотворческого процесса можно назвать принцип ретрибутивной обеспеченности, заключающийся в обеспечении неотвратимости наступления негативных последствий в случае нарушения нормативного предписания, обязанности или запрета. Ярким примером утраты санкцией ценностно-регулятивной значимости является статья 285¹ Уголовного кодекса Российской Федерации, устанавливающая ответственность за совершение нецелевого расходования бюджетных средств: в силу несовершенства построения диспозиции нормы, влекущего проблемы в правоприменительной практике, назначение наказания по данной статье происходит крайне редко. Таким образом, складывается абсурдная ситуация, когда противоправное деяние признано преступным на законодательном уровне, но в то же время не выполняет свою карательную роль, фактически став очередным примером «бездействующего закона» [1].

С учетом стремительно меняющихся политических и социальных реалий, а также в условиях, когда Россия заняла ведущую роль в процессе трансформации мирового устройства, большую значимость приобретает поддержание законности и правопорядка внутри страны. Все это, конечно, невозможно без эффективного противодействия коррупции, как в государственном, так и в частном секторе. Вместе с тем, эффективность правоприменительной практики напрямую зависит от качества её правового регулирования. В этой связи вопросы совершенствования юридической техники антикоррупционного законодательства Российской Федерации приобретают особую актуальность.

Источники и литература

- 1) Кененов А.А., Чернобель Г.Т. Логические основы законотворческого процесса // Правоведение. -1991. - № 6. - С. 71 – 76.
- 2) Концепция консолидации законодательства Российской Федерации о противодействии коррупции : научно-практическое пособие / А.И. Абрамова, М.В. Залоило, А.А. Дорская [и др.]; под ред. д-ра юрид. наук, проф. Д.А. Пашенцева. – Москва : Проспект, 2022. – 112 с.